

а ее здравый смысл помогал там, где не доставало познаний.

На одном из первых допросов мэтр Бопер поставил перед ней хитрейшую задачу, которой думал наверняка ее погубить:

— Жанна, считаешь ли ты себя пребывающей в состоянии благодати?

Все замерли, ожидая ответ девушки. Как бы она ни ответила, она попадала в ловушку. Сказать «да» — значило проявить «гордыню», недостойную христианки, ибо никто не может точно знать, обладает ли он благодатью. Сказать «нет» — значило подтвердить, что она недостойна быть божьей посланницей и является отверженной.

Жанна разрешила трудный вопрос с поразительной простотой и находчивостью:

— Если я вне благодати, молю бога, чтобы он ниспослал мне ее; если же пребываю в ней, да сохранит меня господь в этом состоянии.

Судьи были поражены.

Не удалось ее поймать и на другом запутанном вопросе.

В то время католическую Европу раздирала «схизма». Несколько пап, избранные одновременно, боролись друг с другом. Констанцкий собор ликвидировал «троепапие», но вскоре пап вновь оказалось двое.

Жанну спросили:

— Которого из пап ты считаешь настоящим?

Девушка казалась удивленной. Она была слишком далека от церковных распрей.

— А разве папа не один?

Ей сказали, что нет.

— Тогда, разумеется, настоящий папа тот, который находится в Риме!

Против этого возразить было нечего...

И о чем бы ее ни спрашивали, она каждый раз находила простой и точный ответ.

Ее спрашивали:

— Ненавидит ли бог англичан?

Жанна отвечала:

— Любит ли он их или ненавидит, об этом мне